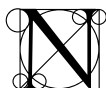

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

Навеки

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey
UNTIL FOREVER

Перевод с английского *В. В. Комаровой*

Компьютерный дизайн
А. А. Кудрявцева, А. Б. Ткаченко
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Publishers
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59 Навеки : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер. с англ. В. В. Комаровой]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-093987-9

Историк Розалин Уайт уже отчаялась обрести счастье и с головой ушла в странное для женщины хобби — коллекционирование старинного оружия. Но именно это хобби подарило ей невероятную встречу с мужчиной ее грез, единственным, кому удалось пробудить в сердце Розалин пожар страсти...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-093987-9

© Johanna Lindsay, 1995
© Перевод. В.В. Комарова, 1996
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Глава 1

Нет, она просто сойдет с ума, если сейчас же не откроет эту коробку! И это она, Розалин Уайт, которая всегда гордилась своей силой воли! Конечно, ни о какой выдержке не могло быть и речи, когда дело касалось ее единственной страсти — коллекционирования. Розалин изо всех сил старалась не замечать долгожданную коробку на низенькой этажерке перед рабочим столом, но помимо воли то и дело бросала на нее нетерпеливый взгляд.

Время шло, а ей еще нужно было закончить проверку студенческих работ. Обычно Розалин забирала тетради из колледжа с собой и работала дома, но сегодня вечером она собиралась поехать к своей подруге Гэйл, у которой проводила выходные. В понедельник возвращаться в колледж Розалин тоже не собиралась: ее ожидал давным-давно запланированный визит к зубному врачу. Поэтому для преподавателя, который вызвался заменять ее, она должна была оставить проверенные работы в ящике стола.

Три выходных дня были расписаны у нее буквально по часам. Розалин это нравилось — иначе она и не мыслила свою жизнь. Разумеется, иногда планы нарушались, как, например, вчера: сначала уведомление о том, что из Англии наконец-то

прибыла долгожданная посылка, потом пришлось отвозить соседку Кэрол в больницу — где уж тут было заниматься проверкой тетрадей!

Сегодня утром по дороге в колледж Розалин заехала на почту и получила посылку. Еще дома она сунула ножницы в сумочку, чтобы легче было вскрыть упаковку. Но обстоятельства снова были против нее: кто мог предвидеть, что на почте окажется такая огромная очередь! Розалин едва успела в класс перед самым началом занятий, и в течение дня у нее не было ни минутки свободной, чтобы раскрыть коробку и удовлетворить свое любопытство.

Пятница всегда была у нее самым напряженным днем — три семинара подряд, да еще после каждого занятия неизбежные вопросы студентов. А сегодня к тому же ей предстояло встретиться с двумя отстающими. Когда занятия закончились, Розалин, перед тем как заняться тетрадями, собиралась наскоро перекусить и открыть коробку. Тут ее неожиданно вызвал декан.

Розалин до сих пор не могла успокоиться после разговора: декан Джонсон решил сообщить ей новость прежде, чем она узнает ее от других, а новость была для нее весьма неприятной — Бэрри Хортону предложили постоянную должность профессора в их колледже. Бэрри был самой большой ошибкой в ее жизни — что поделать, женщина в любом возрасте может быть наивной и доверчивой как девчонка! Теперь ко всему прочему Бэрри будет занимать равное с ней положение.

Декан, конечно, так прямо не сказал, но вызвал он ее именно затем, чтобы удостовериться, что это известие не причинит ей сильных волнений и

она не станет вновь выдвигать обвинения против Бэрри. Можно подумать, декан решил, что ей не терпится вновь пережить это унижение!

И вот она сидела голодная и страшно злая на Бэрри и на его незаслуженное везение. Ну как тут сосредоточиться! Да еще эта коробочка лежит перед ней и так и просит открыть ее. Все это уже походило на настоящую пытку. Так нет же, она не откроет посылку, пока не проверит последнюю работу и... и к черту все эти тетради!

Старинное оружие было страстью Розалин, как и средневековая история, которую она преподавала и знала в совершенстве. Собирать коллекцию оружия начал еще ее отец — для священника из небольшого городка это было весьма необычное хобби. После смерти отца Розалин унаследовала его коллекцию и теперь старалась пополнять ее по мере возможности. Всякий раз, бывая в Англии, она проводила в антикварных магазинах едва ли не больше времени, чем в библиотеках за работой над своей книгой о норманнском завоевании.

Розалин притащила огромную коробку в свой кабинет только потому, что не хотела оставлять ее в машине без присмотра — когда бесценное сокровище находилось у нее на глазах, ей было спокойнее. Уж очень долго пришлось ей ждать осуществления своей мечты — почти три года. С тех пор как Розалин впервые услышала о существовании Проклятья Бладдринкера, она стала буквально по пятам преследовать прежнего владельца старинного меча. И какова же была ее радость, когда она узнала, что меч продается, а не выставляется на аукцион, где за него назначили бы непомерно высокую цену! Однако вскоре преждевременная радость смени-

лась разочарованием: владелец меча, сэр Айзек Дирборн, оказался весьма эксцентричным господином. Целых четыре месяца с ним пришлось торговаться и обговаривать тысячи формальностей. Всех подробностей этой сделки Розалин не знала, ибо Дирборн с самого начала отказался вести с ней переговоры о продаже.

«Женщина не может владеть Проклятьем Блад-дринкера», — сказал он ей во время их первой и последней встречи, ничем не объясняя своего резкого отказа. Она умоляла его в письмах и по телефону, но он не уступал, и все бы на этом и закончилось, если бы в дело не вмешался Дэвид, ее обожаемый Дэвид, которого она любила как родного брата. В раннем детстве он остался сиротой, и ее родители взяли его на воспитание. Он вырос в их доме и опекал ее с детских лет. И вот теперь вновь решил ей помочь. Но даже Дэвиду потребовалось четыре месяца, чтобы наконец совершить покупку, да и то только после того, как он согласился на все условия Дирборна.

Как только все уладилось, Дэвид сразу же позвонил Розалин и сообщил, что перешлет меч с первым же кораблем, следующим в Америку. Она пришла в неописуемый восторг, но кое-что в разговоре с ним заставило ее насторожиться: «Роузи, и не думай о том, чтобы возместить мне расходы. Я дал Дирборну клятвенное обещание, что никогда не буду продавать меч женщине и даже не оставлю по завещанию. Однако этот сумасброд ни словом не обмолвился о том, что он запрещает мне просто подарить меч. Ну так вот, прими от меня этот скромный подарок ко дню твоего рождения — разумеется, в счет последующих пятидесяти лет».

Розалин прекрасно знала, какой это был дорогой подарок: если бы ей пришлось покупать меч самой, на это ушли бы все ее сбережения, да еще тысяч двадцать пришлось бы занять. Так что она чувствовала себя в неоплатном долгу у Дэвида, несмотря на все его тактичные заверения. Конечно же, эта сумма была для него смехотворно мала — Дэвид женился на богатой наследнице, которая обожала его и буквально осыпала деньгами. Его жена Лидия тоже была своего рода коллекционером: она питала такое же пристрастие к старинным особнякам, какое Розалин питала к старинному оружию. Зная это, Розалин все равно чувствовала себя обязанной Дэвиду — покупать такие дорогие подарки было сущим расточительством, даже если ему и приятно доставить ей удовольствие. Ей захотелось сделать ему какой-нибудь приятный сюрприз, чтобы хоть как-то отплатить за эту бесценную услугу.

Розалин не могла больше противиться искушению. Дрожащими пальцами она нащупала ножницы в сумочке. Потом кинула быстрый взгляд в сторону двери, желая убедиться в том, что она закрыта, и неожиданно усмехнулась: так недалеко и до болезненной подозрительности, а там и до шизофрении. Колледж в это время был почти пуст, за исключением нескольких преподавателей да студентов из драматического кружка, репетировавших пьесу, которую в этом семестре выбрал мистер Хейли для студенческого спектакля. Никто не мог нарушить ее уединения, но если бы кто-то и зашел случайно, ей нечего было прятать. Ну что же, мистер Дирборн, вы были непреклонны: женщина не может владеть этим мечом, и все же...

И все же она завладела им. Теперь это сокровище принадлежит ей. Меч станет жемчужиной ее коллекции — самое древнее и самое красивое оружие. Розалин не смела и надеяться, что когда-нибудь станет обладательницей такого редкого экземпляра. Она ни разу еще не видела этот меч — даже на фотографии, — но с тех пор, как впервые услышала о нем, потеряла покой. Он был самым старым из всех известных ей клинков, и, вероятно, поэтому она жаждала приобрести его. Дэвид заверил ее, что меч в отличном состоянии, несмотря на свой древний возраст, и почти не тронут ржавчиной, что было совсем уже невероятно, ибо рукоять меча датировалась примерно VIII веком, а стальное лезвие клинка — X. Вероятно, такая великолепная сохранность меча объяснялась исключительно заботой его хозяев — наверное, каждый владелец берег его не то что от ржавчины, но и от постороннего глаза.

Взяв ножницы, она торопливо перерезала пластиковые ремни, открыла коробку и, разворошив упаковочную солому, нащупала ящик красного дерева. Увидев широкую ленту, перевивавшую ящик, Розалин улыбнулась: Дэвид, как всегда, был галантен. К ленточке был подвешен ключ.

Розалин осторожно приподняла деревянный ящик и вытащила его из картонной коробки, спихнув упаковку на пол. Теперь ей стало ясно, почему было так тяжело тащить коробку: основной вес посылки заключался в этом узком деревянном ящике. Розалин развязала ленту и сжала ключ в руке. Затаив дыхание, она вставила его в замок и стала осторожно поворачивать, пока не услышала слабый щелчок.

Открыв крышку, она с благоговейным трепетом склонилась к тому, что было частью тысячелетней истории: длинный обоюдоострый клинок потемнел от времени, но рукоять кованого серебра хорошо сохранилась и сверкала в свете настольной лампы. В центре рукоятки вспыхивал темный янтарь размером с двадцатипятицентовую монету. Три янтарика поменьше украшали вершину витой рукояти, на которой был выгравирован рисунок, изображающий не то дракона, не то змею — сразу разобрать было невозможно.

Меч был выполнен с удивительным мастерством, а качество стали приводило в восхищение — не многие предметы старины сохранились так же хорошо, как этот меч. Настоящий скандинавский клинок — даже если бы Дэвид и не сказал ей, Розалин поняла это с первого взгляда. Ей был хорошо знаком языческий стиль подобных украшений. Судя по богатству отделки, меч был выполнен для благородного и знатного воина — это было оружие викинга. Проклятье Бладдринкера.

Розалин была профессором истории, и Средневековье было ее коньком. Эпоха викингов была ей хорошо знакома, и она с точностью могла определить вещь, принадлежавшую тому времени. Викинги, кроме всего прочего, славились еще и тем, что подбирали себе и своим мечам самые диковинные имена. И все-таки ей никогда раньше не приходилось слышать более странного имени, чем Проклятье Бладдринкера. Почему первый хозяин назвал так свой меч?

Об этом теперь можно было только гадать — ответ терялся в глубине веков.

Но Розалин, совершенно околдованная новым экземпляром своей коллекции, не могла

не думать об этой тайне. Скольких храбрых воинов лишил он жизнью? Одного? Бесчисленное множество? Скандинавы были одним из самых кровожадных и воинственных древних народов — настоящие хищники северных морей, они всегда нападали на своих противников внезапно и молниеносно. Возможно, этот меч в течение веков участвовал в самых жестоких битвах, ибо он не был зарыт в могилу вместе со своим первым хозяином по обычаю викингов. Почему?! Быть может, его прежний хозяин потерял его? Или же отошел в мир иной, тихо и мирно скончавшись в своей постели, а меч передал своему преемнику? А может быть, он погиб на чужбине, вдали от своих друзей и соратников, и некому было похоронить его по языческим обычаям?

Да, вопросов у Розалин было множество, но ответы на них узнать было не суждено. Однако это лишь ненадолго омрачило ее радость — она ведь стала теперь новой обладательницей меча!

— Проклятье Бладринкера, — произнесла она вслух, беря древний клинок обеими руками. — Тебя создали для войн и сражений, но ты больше не прольешь ни капли крови — я клянусь тебе в этом, так же как и в том, что ты не будешь забыт.

Пальцы стиснули теплую рукоять меча, приподнимая его с золотистого бархата, на котором он покоился. Клинок был на удивление тяжелым, и Розалин пришлось поддержать его другой рукой, чтобы не уронить. Она вдруг услышала отдаленные раскаты грома. Они доносились как будто издалека, но вспышка молнии, осветившая комнату, была такой яркой, что Розалин испуганно вскрикнула. На мгновение молния даже ослепила ее — словно

тысячи лампочек вспыхнули одновременно у нее перед глазами.

Меч стал клониться вниз. Розалин успела поймать его лезвие рукой, прежде чем клинок с размаху ударился об этажерку. Острый край лезвия впился ей в руку, и она вздрогнула. Сердце отчаянно колотилось от тревожного предчувствия. Кляня на чем свет стоит метеорологов, пророчивших в этот день ясное и чистое небо, она осторожно уложила меч обратно в ящик на бархатное ложе. Ей совсем не улыбалась мысль ехать под дождем к Гэйл целых три часа.

— Вы слышали, профессор Уайт? — Мистер Форбс, ночной сторож, просунул голову в дверь. — Вот чудеса-то!

— Не вижу в этом ничего странного — мне и раньше приходилось слышать раскаты грома, — насмешливо возразила Розалин.

Она быстро закрыла крышку ящика, но не успела, однако, запереть ее на ключ. Она узнала мистера Форбса по голосу — глаза все еще плохо различали окружающие предметы, и она почти ничего не видела в полумраке кабинета, кроме яркого пятна от настольной лампы.

— В том-то все и дело, профессор. На небе-то ни облачка.

Розалин хотела было возразить старику: она ведь ясно слышала гром, а потом видела вспышку молнии. Но тут взгляд ее случайно упал на непроверенные экзаменационные тетради, грудой наваленные на столе. У нее же совершенно нет времени обсуждать подобные пустяки, когда ее ждет еще куча работы!

— Я бы не беспокоилась по этому поводу, мистер Форбс, — сказала она. — Если гроза до нас не дошла, тем лучше.

— Конечно, мэ, — промолвил сторож, прикрывая дверь.

Когда его шаги затихли в коридоре, Розалин протерла глаза под очками и снова взглянула на письменный стол.

Вдруг в тишине раздался незнакомый мужской голос. Это было так неожиданно, что Розалин вздрогнула. Что-то в этом голосе заставило ее испугаться не на шутку — гнев, досада, раздражение? Она не могла точно уловить, но холодок пробежал у нее по спине.

— Не стоило вам вызывать меня, леди.

Глава 2

Слова прозвучали для Розалин как совершенная бессмыслица. Она даже подумала, что не расслышала хорошенько.

— Простите, что вы сказали? — переспросила она, пытаясь рассмотреть темную фигуру у окна.

Свет от настольной лампы не распространялся так далеко, да и перед глазами у нее после яркой вспышки молнии все еще мелькали темные пятна. Она разглядела только огромную тень на фоне окна, через которое были видны огни противоположного корпуса. Всматриваясь во мрак, она вдруг поняла, что странный посетитель до сих пор не ответил на ее вопрос. Он продолжал все так же неподвижно стоять у окна, и Розалин внезапно почувствовала беспокойство, даже тревогу.

Однако она быстро стряхнула с себя это неприятное ощущение — в конце концов, она же хозяйка в кабинете, а он, должно быть, студент и

хочет поговорить с ней по поводу экзамена. Да и мистер Форбс, наверное, недалеко. И все же это было странно: неужели она настолько отвлеклась разговором со сторожем, что не заметила, как этот человек проник в кабинет?

Розалин попыталась припомнить, что она делала перед тем, как ее прервал мистер Форбс.

— И давно это вы прячетесь там у окна, мистер?.. — поинтересовалась она, охваченная внезапным подозрением.

Незнакомец не представился — вообще не произнес ни слова. Розалин почувствовала, как в ней закипает раздражение. Она встала, подошла к двери и щелкнула выключателем. Огромную комнату залил свет. Таинственный посетитель стоял, задрал голову к потолку, брови были нахмурены. Или он просто прищурился?

Так или иначе, он казался удивленным.

Он был атлетического сложения, возможно, даже спортсмен — футболист или что-нибудь в этом роде. Тренер уэстерлейской команды отдал бы все на свете, только бы заполучить такого игрока. Парень, конечно же, был немного «староват» для начинающего спортсмена — он казался одних лет с Розалин: на вид ему было около тридцати или чуть больше, но он был в отличной форме — мускулистый и подтянутый. У Розалин было несколько таких студентов, но им, к сожалению, больше нравилось разыгрывать из себя шутов, веселя весь класс, чем слушать лекции.

Розалин внезапно поймала себя на том, что у нее складывается предубежденное отношение к незнакомцу: ее студентки называли бы его «горой мускулов» и были бы правы. Более всего ее пора-

зила его одежда или, вернее, почти полное ее отсутствие. Приглядевшись к странному посетителю, она поняла, что он одет в театральный костюм, и улыбнулась.

Его узкие штаны были из какой-то плотной ткани — возможно, из замши или кожи, — по виду напоминающей шкуру грубой выделки. Длинные полоски кожи перетягивали ноги крест-накрест от щиколоток до колен в соответствии со средневековым стилем. Лоскут ткани обвивал его бедра и завязывался узлом чуть ниже живота с другим лоскутом, удерживая штаны. Если там и была застежка на пуговицах или «молния», то она была хорошо замаскирована.

Розалин про себя порадовалась: наконец-то у мистера Хейли появилась талантливая портниха — не так-то просто правильно сшить исторический костюм и не ошибиться в деталях. А эти штаны — прямо из музея. Как и пояс — почти три дюйма шириной и туго перетягивает узкую талию, единственное его украшение — массивная круглая пряжка, тонированная под золото. Что касается обуви, то она весьма напоминала мокасины — вероятно, костюмерша переделала их из обычных ботинок.

На странном посетителе не было рубашки, и мускулы, с первого взгляда поразившие Розалин, были отчетливо видны. Возможно, костюм не успели закончить, а может быть, мистер Хейли утвердил его именно в таком варианте. Так или иначе, у актера был весьма впечатляющий торс — широкая грудь, покрытая легкой светло-каштановой растительностью, рельефные мышцы, но не такие выпирающие, как у штангиста. И гримерша постаралась на славу: кое-где грудь и мощные руки пересекали

рубцы и ссадины — якобы старые раны, полученные в войнах и сражениях.

На шее у него было кольцо, исполненное по древнему образцу, — двойная связка филигранных бусинок, искусно раскрашенных под золото. Светло-каштановые волосы актера ниспадали чуть ниже плеч, поэтому его, вероятно, и определили на эту роль. Он, должно быть, представлял средневекового воина — сакса или викинга.

Розалин вздрогнула. Что за сверхъестественное совпадение? Только что она держала в руках древний скандинавский меч, и вот пожалуйста — к ней является переодетый викингом студент драмкружка.

Незнакомец медленно опустил голову и пристально посмотрел ей в глаза. При взгляде на его лицо Розалин овладело чувство, не имеющее ничего общего с тревогой и беспокойством. Он был красив суровой, мужественной красотой, и Розалин смотрела на него как зачарованная. И правда, его лицом можно было залюбоваться: прямые брови, расширяющиеся к концам, глубоко посаженные голубые глаза, нос правильной формы, тонкие губы и мужественный квадратный подбородок.

У него, наверное, появляются ямочки, когда он смеется. Но в данный момент, казалось, ничто не могло смягчить его суровое, мрачное выражение. Никак нельзя было сказать, что он доволен. Об этом можно было догадаться и по тону его голоса, в котором явно звучало раздражение, даже гнев.

В наступившей тишине они довольно долго разглядывали друг друга. Розалин уже готова была прервать затянувшееся молчание и вновь повторить свой вопрос, но тут глаза незнакомца медлен-